

УДК 34 (470.45): 340.141
ББК 67.3 (2)53

ОБЫЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТОВ ОПЕКИ (ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА) У ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Краснов Сергей Юрьевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
Волгоградского государственного университета
krasnov@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье автор показывает особенности действия механизма обновления норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX в. на примере регулирования установления опеки и попечительства над малолетними и несовершеннолетними детьми. Данные вопросы еще не были предметом научного исследования ни в историко-правовой, ни в исторической, ни в этнологической науках.

Ключевые слова: обычное право, опека и попечительство, механизм обновления норм, донские казаки, история права России.

Во второй половине XIX в. в станицах и хуторах области Войска Донского существовали различные варианты опеки и попечительства над малолетними и несовершеннолетними детьми. Эти варианты регулировались в основном не нормами официального законодательства, а санкционированными донскими казачьими общинами нормами обычного права. При этом указанные нормы обычного права не только отражали господствовавшие в каждой общине в тот или иной период времени своеобразные обычно-правовые представления о семейной жизни, но и в большинстве случаев противоречили нормам официального законодательства.

Вариативность в регулировании опеки и попечительства, на которую во второй половине XIX в. обращали внимание знатоки донского казачьего быта, можно объяснить раскрытым нами ранее механизмом действия норм обычного права у донских казаков в указанный период времени [8; 9]. Для того чтобы убедиться в этом, необходимо провести

подробную и детальную реконструкцию норм обычного права, регулировавших опеку и попечительство над малолетними детьми в донских казачьих общинах, к которой мы и переходим.

«Сироты остаются на попечении оставшегося в живых супруга. Таким образом, отец или мать являются естественными опекунами. На их попечение возлагается как сама личность, так и имущество сирот.

При этом часто родственники умершего супруга просят станичное правление составить опись сиротскому имуществу, например «сундуку» матери, чтоб этим оградить имущество от растраты со стороны оставшегося в живых супруга. Станичное правление делает обыкновенно опись всему имуществу и хранит ее в архиве до совершеннолетия сирот или же опись остается у опекуна»² [20, с. 253].

У казаков, проживавших во Втором Донском округе, на случай смерти супруги, имевшей малолетних или несовершеннолет-

них детей, для пережившего ее мужа донские казачьи общины вырабатывали самые разные нормы обычного права, в том числе и следующие:

«После смерти жены, если остались дети, имущество ее остается у мужа и соблюдается в целости до возраста детей, то есть до совершеннолетия, прячется в сундук. Разумеется это правило часто не соблюдается и вторая жена завладевает имуществом, принадлежащем первой, хотя и есть законные наследники, о имени которых родственники сперва по семейски протестуют, а потом заявляют станичному суду и тогда отбирают, передают кому-нибудь на хранение до возраста детей.

В случае смерти мужа, жена получает все свое придание (кладка и подарки) и если выйдет за другого. Кладка всегда поступает в пользу вдовы – таков обычай» [11].

Зная механизм действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX в., мы не можем утверждать, что данные нормы применялись во всех станицах и хуторах даже одного округа, не говоря уже о соседних и других округах области Войска Донского. Так, в казачьих общинах того же Второго Донского округа применялись другие варианты норм, в частности и такие: «Муж после смерти жены своей оставшееся имущество не возвращает ее отцу, если есть дети, а предоставляет в распоряжение своим дочерям, а когда нет детей, то возвращается только то, которое она принесла с собой...

Если остаются дети малолетние, то приданное (умершей супруги. – С. К.) остается в распоряжении мужа без расточения, если останется девочка, а если мальчик, то при участии родителей умершей продается и деньги блондуются (сохраняются. – С. К.) до его возраста» [15].

В то же время весь имеющийся в нашем распоряжении материал по обычно-правовому регулированию опеки и попечительства у донских казаков наглядным образом подтверждает, что, несмотря на вариативность указанных обычно-правовых норм, данные нормы всегда имели между собой много общего, поскольку формой их существования и выражения являлись различные по времени происхождения, направленности действия и содержания обычаи.

Таким образом, обычно-правовое регулирование опеки и попечительства у донских казаков во второй половине XIX в. никогда не выходило за рамки традиционного поведения, это как раз и позволяет нам создать, вопреки данной вариативности, достаточно точное, ясное и достоверное представление об указанном регулировании.

По этой же причине нельзя согласиться с некоторыми утверждениями знатоков донского казачьего быта, которые как современники непосредственно наблюдали повседневную жизнь донских казаков в указанный период времени.

«В станицах опека и попечительство дело почти бесконтрольное, станичные правители ничем почти не обязаны к этому. В правлениях не приходилось даже видеть книги, в которых бы могли записываться сиротские деньги и вещи.

Если же есть своя домашняя опека, которая иногда ведется по обычаю то, во-первых, она устарела, а во-вторых, как почти не имеющая над собою контроля, не совсем бывает чиста...

Опека назначается над малолетними детьми когда они круглые сироты, а иногда и к такому семейству, в котором мать вдова обременена кучей малолетних детей и даже и в том случае, если отец такого семейства хотя и жив, но находится на службе» [12].

«Последний вид опеки, скорее есть помощь от общества, нежели опека. Вообще подобная общественная помощь здесь (в ст-це Казанской Донецкого округа. – С. К.) здесь нередка» [19, с. 175].

«Но это (последний вид опеки. – С. К.) ничто иное как применение правил об опеке в казачьих войсках X т. Свода законов. кн. 1» [20, с. 255].

«Но общество (ст-цы Раздорской на Дону. – С. К.) никогда не принимает участия в воспитании сирот» [16].

При этом те же самые знатоки донского казачьего быта приводили многочисленные примеры, которые опровергали их ошибочные утверждения и свидетельствовали как раз об обратном, а именно об обычно-правовом регулировании опеки и попечительства у донских казаков во второй половине XIX в., об изменении норм обычного права, регулировав-

ших опеку и попечительство, и в связи с этим об отсутствии отдельных видов опеки и попечительства, о наличии различных их вариантов, включая и различные варианты контроля над опекунами и попечителями со стороны донских казачьих общин.

Данный контроль осуществлялся не только над имуществом, но и над воспитанием малолетних и несовершеннолетних детей.

Например, в казачьих общинах Второго Донского округа было установлено, что в случае смерти матери опекуном малолетних и несовершеннолетних детей считался отец, который при этом отпускался со службы домой.

Если вдова, имевшая малолетних детей, выходила замуж во второй раз, отчим имел право только распоряжаться имуществом детей, но отчуждать его каким-либо образом не мог никогда. Если же такая вдова принимала мужа в сиротский дом, то положение детей тогда было более выгодным, так как отчим по отношению к сиротам становился работником. Если мать-вдова не имела намерения вступить в новый брак, то в отношении ее детей и их имущества (имущества) никакая опека не устанавливалась.

Однако в донских казачьих общинах существовали и исключения из этих правил. В случае пьянства, расточительства и развратной жизни одного из оставшихся в живых родителей, имевшего на своем попечении малолетних и несовершеннолетних детей, донская казачья община в обязательном порядке назначала опекуна или попечителя, и ему предоставлялось право на распоряжение имуществом подопечного (ых).

Например, в 1860 г. в предписании, посланном Мигулинским станичным правлением (ст-ца Мигулинская Донецкого округа) приказному хутора Секильновского, говорилось следующее:

«Дошло до сведения станичного правления, что хутора Секильновского казачка Ксения Голубова ведет весьма развратную жизнь и без всякой надобности сбывает имение, которое в короткое время значительно уничтожилось, а между тем у ней есть сын 16-ти летний Тимофей и прямой наследник всему имению.

Дабы Тимофей в последствии через поступки матери не лишился напрасно имения

станичное (правление. – С. К.) строго представляет тебе при хуторском обществе назначить попечителем означенного имения родного дядю Тимофея казака Титова, которому предоставить распоряжаться в нужных случаях по имению, непосредственным же распорядителем по имению должен быть Тимофей а мать его Ксению не допускать до того, которую обязать, чтобы она ни под каким видом не смела без веления попечителя и сына своего Тимофея нисколько не сбывать имение, в противном случае вовсе устранить ее по неблагонадежности от малолетних распоряжений по оному. Февраля 5 дня 1860 года» [2].

Это не единственный пример того, каким образом донская казачья община осуществляла постоянный и неусыпный контроль практически над каждой казачьей семьей.

«Главное участие в круглых сиротах, оставшихся по смерти своих родителей без призрения, а также при матери вдове, выходящей замуж, то есть в устройстве опеки и контроля (в станицах и хуторах Второго Донского округа в начале 70-х гг. XIX в. – С. К.) нею, принимают родственники и старики соседи. Если у сирот нет родственников, то на их место заступают соседи, которые для устройства положения сирот связывают стариков. В таких случаях старики делают следующее распоряжение: все оставшиеся по смерти родителей сирот имущество пишут на опись, отделив часть скота, одну корову, или несколько овец для поминовения усопших и на уплату их домов, хотя бы они были предъявлены без расписки, остальное все передают на хранение тому лицу, которое берет к себе на воспитание сирот.

Случается, что к хорошему имению является много охотников, но старики всегда выбирают опекунов с разбором людей честных и хозяев. Но и сирот, не имеющих никакого имени, берут на воспитание также с охотою, чтобы бесплатно пользоваться их пайками.

Опекунство над сиротами принимают всегда добровольно; но чтобы общество по решению схода отдавалось сироту на воспитание известному лицу, в виде повинности, таких примеров еще не было.

Кончивши опись имущества, старики свидетельствуют ее своими подписями; но описи эти не вполне обеспечивают целость

имения сирот, часто на этих описях не только не видать обязательства воспитателя, получившего имение на хранение, но даже не бывает и подписи его. Записку эту старики поручают на хранение в сторонние руки, станичным же правлениям об этом распоряжении никогда не доносят» [12].

А вот как установление опеки малолетних и несовершеннолетних детей проходило в ст-це Казанской Донецкого округа в начале 70-х гг. XIX века.

«Если муж и жена умрут и оставят малолетних детей, то над ними и их имуществом устанавливаются опека. Она состоит в том, что дети берутся на воспитание кем-нибудь из родственников; а если таких нет, то посторонними людьми. Имение их продается и вырученные деньги отдаются в благонадежные руки на сохранение.

Случается, впрочем, что имение сирот не продается, а берется вместе с детьми тем, кто взял их воспитание. При этом всему, что берет воспитатель составляется опись, которая свидетельствуется станичным правлением.

Взяв в свое заведование имущество сирот, воспитатель может продать или взять за себя (выкупить сам. – С. К.) в известной и заявленной свидетелями цене. Деньги вырученные таким образом он обязан уплатить своим воспитанникам по достижении ими совершеннолетия.

Обыкновенно при устранении (установлении. – С. К.) опеки над малолетними дело происходит в таком порядке: как только в семье останутся без призрения малолетние сироты, то станичное правление или собравшееся общество, если это в поселке, призывает близких родственников и предлагает им взять на воспитание сирот, а также и их имущество. Таких случаев, чтобы не нашлось никого взять детей на воспитание, не бывает» [19, с. 175].

«Когда казак отказывается принимать на себя эту обязанность, то его спрашивают, говоря: «не себе, мол, в честь, так Богу в честь делаешь это» [20, с. 253].

Что касается наличия самых разных вариантов обычно-правового регулирования опеки и попечительства у донских казаков во второй половине XIX в., то, на наш взгляд, не имеется никаких оснований для утверждения

о существовании отдельных видов опеки или попечительства над малолетними и несовершеннолетними детьми.

В качестве одного из примеров можно привести ст-цу Раздорскую на Дону Первого Донского округа, в которой в 1869 г. одновременно существовали различные варианты опеки и попечительства на случай смерти обоих родителей, имевших малолетних и несовершеннолетних детей.

«1) По смерти родителей власть распоряжаться имуществом переходит в руки деда или бабки, если таковые есть, а если нет, то старшего брата и жены его и в таком случае хотя они распоряжаются самым имуществом, покупают и расплачиваются за все, но все это должно быть известно младшим братьям.

По смерти родителей, хотя управление всем оставшимся имуществом переходит в руки старшего брата, если остались еще несовершеннолетние, но не глухо, а при участии местного правительства делается оному подробная опись, по которой бывшие несовершеннолетние, по достижении возраста, имеют право требовать от старшего брата. Но несмотря на сие, редко соблюдается все имение в целости; большею частью движимое (имущество. – С. К.) истрачивается и, бывшие малолетними при смерти родителей, по достижении совершеннолетия получают свою часть только из недвижимого имения. И принявший (имущество. – С. К.) в управление старший брат, в управлении и распоряжении, пользуются правами родителей по имению.

2) Если по смерти родителей останутся дети малолетними и нет близких родных, которые бы взяли под свое призрение их самих и оставшееся имущество, то местная власть делает немедленно опись всему имуществу, доносит опеке и опека назначает благонадежного казака опекуном на службу, который обязан смотреть оставшееся имущество до совершеннолетия их возраста и пользуется за то одной копейкой с рубля их доходов, получаемых с их имущества, а самые сироты работают на себя и на него; и опекун обязан ежегодно предоставлять отчет в опеку о том имении.

3) Если дети остаются без всякого состояния по смерти родителей, то их разбирают или родные или сторонние и держат их у себя до совершеннолетия, иные наравне с

детьми своими, а иные как работников и, по достижении совершенных лет, девушку стараются выдать замуж, справивши ей от себя, за ее работу, хотя какое-нибудь небольшое приданное, а ребят отпускают в зятя также прилично приодевши» [16].

Знатоки донского казачьего быта условно выделяли у донских казаков такие виды опеки и попечительства над малолетними и несовершеннолетними детьми, как:

1) опека сирот, когда умирал один из родителей и опекуном считался другой («домашняя опека»);

2) опека круглых сирот, когда умирали оба родителя и опеку осуществляли родственники или другие члены донской казачьей общины;

3) опека целой казачьей семьи, но устанавливаемая только в одном случае, а именно, когда отец семейства находился на службе, а супруга с малолетними детьми испытывала всевозможные тяготы и нужду.

Рассмотрим теперь более подробно последний из перечисленных выше «видов» опеки и попечительства, поскольку на первые два «вида» мы уже обращали внимание ранее (в начале 70-х гг. XIX в., в ст-це Казанской Донецкого округа. – С. К.).

«Опека или попечительство устраивается иногда и над целыми семействами, именно: когда отец на службе, а дома остается одна мать с несколькими малолетними детьми и терпит нужду или по недостаточному состоянию своему, или вследствие какого-либо разорения.

Опека в таком случае состоит в том, что общество назначает к семейству на год кого-либо из отставных внутренней службы граждан. Назначенный таким образом находится при нуждающемся семействе за службу и должен управлять имуществом семейства, как хозяин. На другой год назначается другой попечитель. Так продолжается до тех пор, пока отец семейства возвратится со службы. Большею частью эти годовые попечители [могут] не находиться сами при порученных их попечению семействах, или нанимают за себя кого-либо или уплачивают семейству такую сумму денег, какую оно согласится взять взамен их личных пособий» [19, с.175].

Для сравнения можно привести и сведения о том, как данный «вид» опеки и попечи-

тельства в то же самое время регулировался у казаков, проживающих во Втором Донском округе области Войска Донского.

«Опека назначается над малолетними детьми когда они круглые сироты, а иногда и к такому семейству, в котором мать вдова обременения кучей малолетних детей и даже и в том случае, если отец такого семейства хотя и жив, но находится на службе. Прежде к таким имениям назначались опекуны по приговорам общества из казаков за годовую службу, с условием помогать семейству, не личным своим трудом и не управлением по хозяйству, а просто обязанностью ежегодного денежного вспомоществования в размере от 50 рублей до 100 рублей. Эти формальные опекуны, лишь существовали на бумаге, являясь в то время, когда сироты были уже пристроены, а имение передано на хранение.

Лица, взявшие себе на воспитание сирот, искали такого опекуна, интересуясь денежным его пособием; назначение богатых опекунов было выгодно и для станичных правителей, от которых зависело утверждение опекунов; они смотрели на это, как на доходную свою статью, и потому докладывали обществу о выбранном воспитателями опекуне, после долгих за ним ухаживаний со стороны воспитателей – родственников. Теперь же за опекунство казаков от службы не избавляют, почему и нет охотников помогать бедным семействам» [12].

Сравнение обычно-правового регулирования даже только этого одного «вида» опеки и попечительства, как оно осуществлялось (в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в.) в ст-це Раздорской на Дону Первого Донского округа, в ст-це Казанской Донецкого округа и в большинстве станиц Второго Донского округа, на наш взгляд, убедительно доказывает, что основу такого регулирования составляли нормы различных по времени происхождения и направленности действия обычаев, причем в самых разных комбинациях и вариантах. В частности, это могли быть и нормы обычаев личного найма одним казаком другого для несения очередной службы взамен себя, и погодного выбора станичных атаманов, и отбывания донскими казаками сиденочной повинности, и некоторых других.

«В каждой станице при станичном правлении, для нужд последнего, находиться всегда несколько молодых казачков. Они дежурят день или несколько дней, смотря по тому как заведено в какой станице, а затем сменяются другими. Повинность эта называется «сиденочною». Богатые казаки почти никогда не отбывают ее, а нанимают вместо себя охотников, причем, обыкновенно, в станицах существует твердо установившаяся норма размера вознаграждения.

Так в нашей станице (Нижне-Чирской Второго Донского округа в 1897 г. – *С. К.*) такую нормою считается восемь рублей.

Кроме исполнения своих прямых обязанностей – разности пакетов, вручения судебных повесток и т. п., сиденочные казаки очень часто занимаются исполнением и чисто личных хозяйственных дел станичного атамана или его помощников. Конечно, последнее противоречит закону, но имеет незыблемое основание на вековом обычае» [10].

«Недельные или сиденочные казаки, по давно вкоренившемся у нас (в ст-це Гундоровской Донецкого округа в 1897 г. – *С. К.*) обычаю, отбывают кроме своих прямых обязанностей, еще и барщину у станичного атамана: например ставят плетни на огородах атамана, по «домашности» мелкую работу исполняют и т. д.» [1].

То же самое можно сказать и о других «видах» опеки и попечительства. Например, возникает вопрос о том, к какому «виду» опеки и попечительства следует отнести назначение опекуна к круглым сиротам вместо несения военной службы с выполнением этой обязанности до совершеннолетия детей и без замены его через каждый год на другого опекуна, как это было предусмотрено в ст-це Раздорской на Дону Первого Донского округа, или с ежегодной заменой его на другого в станицах Второго Донского округа, на что мы уже обращали внимание выше.

А если иногда взамен несения военной службы устанавливалась опека не только малолетних детей, но и проживающих с ними и заботившихся о них престарелых, немощных стариков и старух, то тогда к какому «виду» ее следует отнести?

О существовании данного варианта опеки и попечительства может свидетельствовать об-

щественный приговор, подписанный в 1872 г. гражданами ст-цы Вешенской Донского округа.

«1872 для Области войска Донского Вешенской станицы наличные граждане на сходе выслушав объявление сей станицы вдовы казачьей жены Лукерьи Игнатовой Фроловой, о том, что от роду ей около 70 лет бывает нередко одержима болезнью имеет при себе круглую сироту родную внучку Прасковью <...> лет, по старости лет не в силах пропитывать себя и внуку, а также управлять имуществом состоящим из домика с плетневым чуланом, огорожею, домашнею рухлядью и одной коровы, почему ходатайствует об определении ей опекуна; граждане рассуждая полагаем: для присмотра за вдовою казачьей Фроловою и внукою ее Прасковьею и имуществом, следовало бы назначить в роде опекуна за внутреннюю годовую службу, благонадежного и хорошего поведения казака а о рассмотрении войти представлением где следует» [3].

Полагаем, что в данном случае речь идет о еще одном новом варианте опеки и попечительства, подтверждающем волевой, осознанный характер казачьего нормотворчества и свидетельствующем об определенной гибкости норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX века. Причем сам процесс обновления обычного права, путем выработки на основе традиционных норм новых норм обычного права, регулирующих опеку и попечительство у донских казаков, осуществлялся постоянно и непрерывно. Иначе невозможно было бы объяснить, почему в станице Второго Донского округа установление опеки и попечительства над семьями взамен несения военной службы в начале 70-х гг. XIX в. практически прекратилось, а в станицах других округов Войска Донского оно могло широко применяться одновременно в нескольких вариантах, рассчитанных на регулирование самых разных жизненных ситуаций, в которые попадали казачьи семьи.

Это означает, что в станицах Второго Донского округа утратившие свое практическое значение варианты установления опеки и попечительства над семьями взамен несения опекунами военной службы были заменены на другие варианты опеки и попечительства над семьями, имеющими малолетних и несовершеннолетних детей, потому что в обычном праве донских казаков, в силу раскрытого

нами механизма действия его норм, отсутствовала пробельность и аналогия обычая, которая бы ее устраняла. Тот же самый процесс замены одних вариантов опеки и попечительства над семьями на другие варианты происходил и двадцать пять лет назад.

«29 января (1847 г. – С. К.) Приговор Войска Донского общество Нижнекурмоярской станицы (Первого Донского округа. – С. К.) при этом полном собрании слушало доклад станичных правителей о сиротах, требующих опекунского призрения по следующим обстоятельствам:

1) малолетние Черкесовы Иван 5-ти, Александр 2-х летние, за нахождением отца их на службе и за болезнью матери, немогущей управлять хозяйством, а также за старостью деда своего;

2) дети умершего на службе казака Полякова сыны... за болезнью матери и старостью 70 л. бабки;

3) дети умершего на службе от ран казака Василия Болдырева сыны... находясь до сего на воспитании родного деда их урядника Болдырева, ныне отделяются от него, который по старости лет своих не может призреть их, мать от их вышла в замужество;

4) сын умершего урядника Александра Егорова и жены его тоже умершей, был у родного брата своего казака Финогена, за нахождением коего ныне на службе, он требует призрения опеки...

Общество станицы, рассмотрев вышеобъясненные обстоятельства, признает необходимым определения опекунов и потому полагает: к поименованным сиротам и имениям их определить опекунов казаков наших:

к первым Ивана Дьякова, вторым Миня Трофимова, третьим Семена Попова, четвертым Василия Болдырева, пятым Родиона Болдырева и шестым коннаго Пантелея Панфилова, заслуживающих по хорошему поведению, надежды в призрении и добронравном воспитании малолетним.

Затем и следуя правилам, поручить имуществу сирот избранным опекунам по описям с расписками» [4].

Хорошо видно, что в конце 40-х гг. XIX в. в ст-це Нижне-Курмоярской Первого Донского округа казачья община не освобождала опекунов семей от несения ими военной служ-

бы с ежегодной заменой их на других, как это было принято в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в., а применяла другие варианты опеки и попечительства.

Еще один вариант установления опеки и попечительства применялся в конце 40-х гг. XIX в. в ст-це Мелеховской того же Первого Донского округа.

В других же станицах Первого Донского округа в этот период времени, наоборот, могло быть санкционировано применение вариантов, предполагающих исполнение опекунами своих обязанностей взамен несения ими военной службы, а также иных вариантов опеки и попечительства над малолетними и несовершеннолетними детьми.

Таким образом, процесс изменения норм обычного права у донских казаков никогда не был прямолинейным и примитивно простым, каким его, к сожалению, иногда старались представить некоторые знатоки донского казачьего быта, изучавшие жизнь донских казаков во второй половине XIX века. Главную, определяющую роль в этом процессе, по нашему мнению, играла донская казачья община, а не станичное правление во главе со станичным атаманом. Именно она устанавливала основные права, обязанности и ответственность опекунов, а также осуществляла постоянный прямой или косвенный контроль над ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование семейных и наследственных отношений» – проект № 13-13-34007 а/В.

² Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация первоисточников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В. М. По области, станица Гундоровская (Донецкий округ) / В. М. // Приазовский край. – 1897. – № 245.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 338. – Оп. 2. – Д. 1093. – Л. 7–7 об.
3. ГАРО. – Ф. 338. – Оп. 2. – Д. 677. – Л. 11–11 об.

4. ГАРО. – Ф. 338. – Оп. 4. – Д. 277. – Л. 1–1 об.
5. ГАРО. – Ф. 338. – Оп. 5. – Д. 112. – Л. 39–39 об.
6. Гражданин. О сиротском достоянии в станицах / Гражданин // Донская газета. – 1875. – № 88.
7. Каменнов, В. Из Распопинской станицы / В. Каменнов // Донские областные ведомости. – 1874. – № 18.
8. Краснов, С. Ю. Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование имущественных отношений / С. Ю. Краснов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – 214 с.
9. Краснов, С. Ю. Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Функционирование органов территориального общественного самоуправления / С. Ю. Краснов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 142 с.
10. М. К. По области. Станица Нижне-Чирская / М. К. // Приазовский край. – 1897. – № 231.
11. Никулин, П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа / П. Никулин // Донская газета. – 1875. – № 87.
12. Никулин, П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа / П. Никулин // Донская газета. – 1876. – № 41.
13. Никулин, П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа / П. Никулин // Донская газета. – 1876. – № 45.
14. Пономарев, С. Этнографические очерки Луганской станицы. Семейные и имущественные отношения / С. Пономарев // Донские областные ведомости. – 1876. – № 55.
15. Попов, И. В. Народные юридические обычаи в Раздорской на Дону станице / И. В. Попов // Донской вестник. – 1869. – № 30.
16. Попов, И. В. Народные юридические обычаи в Раздорской на Дону станице / И. В. Попов // Донской вестник. – 1869. – № 31.
17. Станица Пятиизбянская (2-го Донского округа) // Приазовский край. – 1900. – № 180.
18. Станичник. Заметка о беспорядках в юртовых довольствиях / Станичник // Донская газета. – 1875. – № 73.
19. Тимощенко, И. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы / И. Тимощенко // Труды Областного Войска Донского статистического комитета. – Новочеркасск, 1874. – Вып. 2. – С. 139–181.
20. Харузин, М. Н. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права / М. Н. Харузин. – М., 1885. – Вып. 1. – 386 с.
21. Хутор Сенявка // Донские областные ведомости. – 1875. – № 44.

REFERENCES

1. V.M. Po oblasti, stanitsa Gundorovskaia (Donetskii okrug) [On area, village Gundorovsky

(Donetsk district)]. *Priazovskii krai* [Azov region]. 1897, no 245.

2. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [State archive of the Rostov region]. F. 338, op. 2, d. 1093, l. 7-7ob.

3. GARO. F. 338, op. 2, d. 677, l. 11-11ob.

4. GARO. F. 338, op. 4, d. 277, l. 1-1 ob.

5. GARO. F. 338, op. 5, d. 112, l. 39-39 ob.

6. O sirotskom dostoianii v stanitsakh [About orphan property in villages]. *Donskaia gazeta* [Don newspaper], 1875, no 88.

7. Kamennov V. Iz Raspopinskoj stanitsy [From the Raspopinsky village]. *Donskie oblastnye vedomosti* [Don regional sheets], 1874, no 1.

8. Krasnov S.Iu. *Obychnoe pravo donskikh kazakov vo vtoroi polovine XIX veka. Regulirovanie imushchestvennykh otnoshenii* [Customary Law of the Don Cossacks in the second half of the XIX century. Regulation of the property Relations]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2010. 214 p.

9. Krasnov S.Iu. *Obychnoe pravo donskikh kazakov vo vtoroi polovine XIX veka. Funktsionirovanie organov territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniia* [Customary Law of the Don Cossacks in the second half of the XIX century. Functioning of Bodies of territorial public Self-government]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2011. 142 p.

10. M.K. Po oblasti. Stanitsa Nizhne-Chirskaia [On area. Village Lower-Chirsky]. *Priazovskii krai* [Azov region], 1897, no 231.

11. Nikulin P. Narodnye iuridicheskie obychai donskikh kazakov 2-go okruga [Folk legal customs of the Don Cossacks of the 2nd district]. *Donskaia gazeta* [Don newspaper], 1875, no 87.

12. Nikulin P. Narodnye iuridicheskie obychai donskikh kazakov 2-go okruga [Folk legal customs of the Don Cossacks of the 2nd district]. *Donskaia gazeta* [Don newspaper], 1876, no 41.

13. Nikulin P. Narodnye iuridicheskie obychai donskikh kazakov 2-go okruga [Folk legal customs of the Don Cossacks of the 2nd district]. *Donskaia gazeta* [Don newspaper], 1876, no 45.

14. Ponomarev S. Etnograficheskie ocherki Luganskoj stanitsy. Semeinye i imushchestvennye otnosheniia [Ethnographic sketches of the Lugansk village. Family and property relations]. *Donskie oblastnye vedomosti* [Don regional sheets], 1876, no 55.

15. Popov I.V. Narodnye iuridicheskie obychai v Razdorskoj na Donu stanitse [Folk legal customs in the Razdorsky village on Don]. *Donskoi vestnik* [Don messenger], 1869, no 30.

16. Popov I.V. Narodnye iuridicheskie obychai v Razdorskoj na Donu stanitse [Folk legal customs in the Razdorsky village on Don]. *Donskoi vestnik* [Don messenger], 1869, no 31.

17. Stanitsa Piatizbianskaia (2-go Donskogo okruga) [Village Pyatizbyansky (2nd Don district)]. *Priazovskii krai* [Azov edg], 1900, no 180.

18. Stanichnik. Zametka o besporiadkakh v iurtovykh dovol'stviakh [Note about disorders in yurtovy allowances]. *Donskaia gazeta* [Don newspaper], 1875, no 73.

19. Timoshchenkov I. Obshchestvennyi byt i narodnye obychai Kazanskoi stanitsy [Public life and folk customs Kazan villages]. *Trudy Oblastnogo*

Voiska Donskogo statisticheskogo komiteta [Works of Regional Army of the Don statistical committee], Novocherkassk, 1874, iss. 2, pp. 139-181.

20. Kharuzin M.N. *Svedeniia o kazatskikh obshchinakh na Donu* [Data on the Cossack Communities on Don. Materials for a Customary Law]. Moscow, 1885, iss. 1. 386 p.

21. Khutor Seniavka [Senyavka's farm]. *Donskie oblastnye vedomosti* [Don regional sheets], 1875, no 44.

THE DON COSSACKS' CUSTOMARY LAW REGULATION OF VARIOUS OPTIONS OF GUARDIANSHIP (TRUSTEESHIP) IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Krasnov Sergey Yurievich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department of Civil and Arbitration Proceeding,
Volgograd State University
krasnov@volsu.ru
Prospekt Universitetskogo, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. At the second half of the XIX century in villages and farms of the Don Cossack Host there were various options of guardianship and guardianship over juvenile and minor children who were generally regulated not by standards of the official legislation, and the authorized Don Cossack communities to application by norms of a customary law. Thus specified norms of a customary law not only reflected, dominating in each community during this or that period of time peculiar usual and legal ideas of family life, but also in most cases directly inconsistent to standards of the official legislation.

Thus, customary law regulation of guardianship at the Don Cossacks at the second half of the XIX century never was beyond traditional behavior that, despite this variability just and allows us to create rather exact, fair and reliable idea of the specified regulation.

As for existence of the most different options of customary law regulation of guardianship at the second half of the XIX century that, in our opinion, isn't available for the Don Cossacks of any bases for the statement about existence of separate types of guardianship or guardianship over juvenile and minor children.

Process of updating of a customary law, by development on the basis of the traditional norms, new norms of a customary law regulating guardianship at the Don Cossacks, was carried out constantly and continuously.

The main defining role in this process, in our opinion, was played by the Don Cossack communities, instead of the stanitsa's board led by the stanitsa's ataman. It established basic rights, duties and responsibility of trustees and as exercised continuous direct or indirect control over them.

Key words: customary law, guardianship, the update mechanism of law, Don Cossacks, the history of law of Russia.